

УДК 355.4
ГРНТИ 78.25.19.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОКРАЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО ПОТЕНЦИАЛА

*М.Ю. КОПАЕВ, кандидат исторических наук
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
В.В. ТЕПЛУХИН, кандидат исторических наук
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)*

В статье коротко освещаются основные исторические этапы процесса ограничения и сокращения ядерных вооружений в мире и роль СССР / России в этом процессе. Рассмотрен вопрос о международной дипломатической конъюнктуре относительно заключенного в 2017 году договора о запрещении ядерного оружия и позиции России. Дана оценка возможных контуров дальнейшего сокращения ядерных потенциалов России и США по истечении срока действия договора об ограничении стратегических наступательных вооружений 2010 года (договор СНВ-3) с учетом уровня разумной достаточности стратегических ядерных сил России для защиты ее национальных интересов на фоне развития американских программ противоракетной обороны и «быстрого глобального удара».

Ключевые слова: баллистические ракеты, быстрый глобальный удар, «Иджис», противоракетная оборона, сокращение ядерных вооружений.

TO THE QUESTION ABOUT THE PROSPECTS OF FURTHER REDUCTION OF THE RUSSIAN STRATEGIC NUCLEAR POTENTIAL

*M.YU. KOPAEV, Candidate of Historical Sciences
MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
V.V. TEPLUHIN, Candidate of Historical Sciences
MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)*

The article briefly highlights the main historical stages of the limiting and reducing nuclear weapons process in the world and the role of the USSR / Russian Federation in this process. The issue of the international diplomatic conjuncture regarding the treaty on the prohibition of nuclear weapons concluded in 2017 and the position of Russian Federation is considered. The Russian Federation and the United States nuclear potentials further reduction possible contours after the expiration of the Treaty on the Limitation of Strategic Offensive Arms of 2010 (START-3 Treaty) are given, taking into account the level of reasonable sufficiency of Russia's strategic nuclear forces to protect its national interests against the backdrop of the development of US missile defense programs and «Prompt Global Strike».

Keywords: ballistic missiles, Prompt Global Strike, «Aegis», ballistic missile defense, nuclear weapons reductions.

Введение. Ядерное оружие (ЯО) в мире со времени его первого боевого применения фактически непрерывно сосуществовало в мире с общественно-политическими движениями, борющимися за его ограничение, нераспространение, сокращение и ликвидацию как класса вооружений. Задача «исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения» была заявлена в первой же резолюции Организации Объединенных Наций от 24 января 1946 года, учредившей Комиссию по атомной энергии, на втором месте в списке задач этой комиссии [1]. В последующие годы после наращива-

ния ядерных потенциалов великих держав, создающих в мире «равновесие страха», до уровня, угрожающего неприемлемым ущербом для любой из них в случае ядерной войны, был принят ряд документов, ограничивающих его размещение, испытания и экспорт ядерных технологий.

Таблица 1 – Договора о нераспространении ядерного оружия [2; 5]

№	Содержание договора	Год заключения	Проблемы договора
1	Об Антарктике (как нейтральной, ничейной и безъядерной зоне)	1959	Не подписали Израиль, Пакистан
2	О запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой	1963	Не подписали Китай, Франция
3	О принципах деятельности по исследованию и использованию космического пространства	1967	
4	О запрещении ЯО в Латинской Америке (Договор Тлателолко)	1967	
5	О нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)	1968	Не подписали Израиль, Индия, КНДР, Пакистан
6	О запрещении размещения ЯО на дне морей и океанов (исключая территориальные воды)	1971	Не подписали Израиль, Пакистан, Франция
7	О безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга)	1985	
8	О создании зоны, свободной от ЯО в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор)	1995	
9	О создании в Африке зоны, свободной от ядерного оружия (Пелиндабский договор)	1995	не определен статус входящего в границы безъядерной зоны о. Диего-Гарсия (Великобритания), где расположена американская ядерная база
10	О всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)	1996	не вступил в силу из-за недостижения консенсуса между участниками
11	О запрещении ядерного оружия (ДЗЯО)	2017	не подписала ни одна из ядерных держав

Совместная Декларация Корейской Народно-демократической республики (КНДР) и Республики Корея (РК) о безъядерном статусе Корейского полуострова (1992) после отказа КНДР от приема международных инспекций МАГАТЭ утратила силу, а в 2003 году КНДР вышла из ДНЯО, вскоре испытал термоядерное устройство. В 2018 году в связи с началом мирных переговоров между правительствами двух Корей появилась надежда на коррекцию ядерной программы КНДР, однако реальная денуклеаризация Севера остается делом отдаленного будущего.

Меры СССР и России по ядерному нераспространению применительно к данному списку договоров заключаются в ратификации тех актов, в которых Россия непосредственно участвует, и подписании протоколов к договорам, в действии которых непосредственного участия РФ не приняла в силу их регионального характера. Исключением является Бангкокский договор (его протокол не подписала ни одна официальная ядерная держава) [2].

Актуальность. В данной статье рассматривается вопрос о причинах избрания РФ и США политики сокращения своих СЯС и ее рамках. Курс на принципиальное уничтожение всего ядерного оружия в мире задан действующими на данный момент соглашениями Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Этот договор был одобрен Генассамблеей ООН 12 июня 1968 г. с целью воспрепятствовать увеличению числа государств, располагающих ядерным оружием, ограничить опасность конфликта с его применением, а также разработать механизмы полной ликвидации ядерного оружия на планете в отдаленной перспективе. В 1995 г. договор был объявлен бессрочным. Его участниками являются все страны мира, кроме Израиля, Индии, Пакистана и КНДР (новых ядерных держав). Из вышеперечисленных стран формально вышла из него только КНДР, прочие – никогда в него не входили.

Среди государств-участников ДНЯО выделяют державы ядерные (страны, которые произвели и испытали ядерные взрывные устройства ранее 1 января 1967 г.) и неядерные. Первые державы (Россия, США, Великобритания, Франция и КНР) обязались не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или контроль над ним ни прямо, ни косвенно, не помогать, не поощрять и(ли) не побуждать неядерные государства производить или приобретать ЯО. Эта политика соответствует стратегическим интересам ядерных держав. Неядерные державы обязуются: не принимать от кого бы то ни было ядерное оружие или контроль над ним, не производить и не приобретать его каким-либо иным способом, не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия [3].

В тексте Договора о нераспространении ядерного оружия предусмотрена статья VI следующего содержания:

«Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем».

Таким образом, ядерное разоружение предписано ДНЯО, однако не детерминировано конкретными временными рамками и по времени осуществления связано исключительно с доброй волей разоружающихся стран. Фактически за время существования ДНЯО отказалась от уже разработанного ядерного оружия только одна страна мира, Южноафриканская республика (ЮАР) в 1994 г. Кроме ЮАР, отказались от наличного ЯО бывшие союзные республики СССР Украина, Беларусь и Казахстан, на территории которых в 1991 г. оказалась часть компонентов стратегических ядерных сил (СЯС) Советского Союза (но указанные компоненты СЯС СССР, однако, фактически ни дня не контролировались суверенными правительствами бывших союзных республик, не обладавшими кодами на запуск, поэтому их отказ от ЯО был достаточно предсказуем).

В рамках усиливающейся многополярности мира, ряд средних держав (Египет, Бразилия, Мексика, ЮАР, Швеция, Новая Зеландия), входящих в состав т. н. «Коалиции новой повестки дня», активно порицает ядерные державы за игнорирование требований статьи VI ДНЯО, ставя возможность дальнейшего существования Договора в зависимость от прогресса в этом направлении [4]. При этом предоставляемые ядерными державами национальные отчеты на пятилетних обзорных конференциях по ДНЯО критикуются этими странами как неформализованные и нерегулярные. Денуклеаризация должна нивелировать разницу между ядерными и неядерными державами, поэтому последние заинтересованы в воздействии на мировое общественное мнение, вынуждающее правительства ядерных держав к конкретным шагам по сокращению своих ядерных потенциалов [5, с. 196]. В качестве альтернативы ДНЯО в вопросе ликвидации ядерного оружия члены Коалиции выдвинули в ГА ООН в 2017 г. по итогам трех межправительственных конференций в Норвегии, Мексике и Австрии в 2013–2014 годах проект нового договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Проект, разрабатываемый с начала 2010-х гг, прошел два чтения в Генассамблее (ГА) ООН и наконец был одобрен 122 странами (ядерные державы воздержались от голосования) [6].

Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), носящий глобальный характер и проведенный через ГА ООН в 2017 г., вступит в силу через 90 дней после ратификации его 50 государствами. Ядерные державы не участвовали в разработке данного проекта. На июнь 2018 г. в списке стран, подписавших договор, 59 держав (ни одной ядерной). Официальная ратификация договора при этом на июль 2018 года проведена только 10 из них – Австрией, Ватиканом, Венесуэлой, Вьетнамом, Гайаной, Кубой, Мексикой, Палау, Палестиной и Таиландом. ДЗЯО предполагает:

– декларацию всеми странами-участниками наличия / отсутствия ядерных вооружений на их территории или под их контролем;

– немедленную конверсию, денуклеаризацию или ликвидацию этих вооружений за период, указанный в плане, предоставленном (в 60-дневный срок по принятии страной договорных обяза-

тельств) первому совещанию стран-участниц ДЗЯО (созывается Генсеком ООН в первый год после вступления ДЗЯО в силу);

– вступающее в действие не более чем через 1,5 года после начала переговоров по нему соглашение о гарантиях МАГАТЭ стран-участниц, что ядерное топливо будет использоваться ими только в мирных целях, и незаявленной активности по ядерным вопросам в этих странах не ведется;

– что каждое государство, размещающее на своей территории ядерные силы других государств, обязано добиться их вывода в срок, определенный первым совещанием стран-участниц после вступления договора в силу;

– что каждое государство-участник сообщает о состоянии работы по договору на совещаниях стран-участниц и обзорных конференциях до успешного завершения процесса ядерного разоружения;

– что страны-участницы назначают компетентный международный орган по верификации исполнения ими договора на своем очередном или внеочередном (по представлению Генсека ООН) совещании;

– что договор вступает в силу для страны-участницы через 90 дней после сдачи ею ратификационной грамоты на хранение в ООН;

– что выход из ДЗЯО неволеющего участника возможен в 12-месячный срок после информирования страны-депозитария о таком намерении [7].

Предложения о немедленном и полном запрете ядерного оружия не нашли поддержки у ядерных держав. В курсе на ядерное разоружение «новые» ядерные державы не заинтересованы вовсе, а «старые» предпочитают по-прежнему руководствоваться положениями ДНЯО. США и Россия по различным резонам выступили против ДЗЯО. Позиция РФ была выражена министром иностранных дел С. Лавровым:

«Мы <...> считаем, что запрещение ядерного оружия в таком директивном порядке нереально. Пять официальных ядерных держав, да и неофициальные ядерные державы на это не пойдут, потому что уже согласованный принцип продвижения к безъядерному миру отражен в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и этот принцип увязан с обеспечением всеобщей безопасности и стабильности» [8].

Кроме того, Сергей Лавров обратил внимание на то, что на глобальную безопасность помимо ядерного оружия влияют и иные факторы: «стратегические вооружения в неядерном исполнении», планы США по созданию космического оружия, глобальная система ПРО и невступление в силу ДВЗЯИ-1996 («прежде всего по причине нежелания США это делать»).

Объективные и формальные недостатки ДЗЯО на текущий момент состоят в следующем:

– он имеет договорную форму, т. е. не общеобязателен, в силу чего его действенность спорна;

– никаких силовых аргументов в случае отказа ядерных держав разоружаться участники договора применить не смогут, а ядерный шантаж перспективой их (ре)нуклеаризации мгновенно скомпрометирует их позицию;

– в нем не дается четкого определения понятию «ядерное оружие». В современности радиоактивные материалы используются в элементах брони и сердечниках подкалиберных снарядов танков американской армии, в современных прицелах-коллиматорах, в ядерных реакторах на кораблях и субмаринах, в энергетических источниках ИСЗ и т. п. Хотя поражение таким оружием цели и не сопровождается ядерным взрывом, то же можно сказать и про «грязную» бомбу, которая взрывается тоже не за счет энергии цепной реакции, но поражает цель в основном радиоактивным излучением;

– он не затрагивает иных международных обязательств стран-участниц, если таковые согласуются с текстом договора, т. е., по существу, игнорирует, а не дополняет ДНЯО;

– он внутренне противоречив относительно процесса вступления в силу для стран-участниц (которое, по тексту ДЗЯО, требует предоставления ратификационной грамоты, хотя в другом месте этого же текста допустимы «иные формы утверждения договора»);

– обилие в тексте ДЗЯО нечетких формулировок с оценочными критериями типа «достаточно», «надежность», «надлежащая помощь», «по возможности» [9, с. 222–224].

Несмотря на очевидные недостатки и огрехи ДЗЯО, он является важной декларацией о намерениях средних держав мира, которые в случае недостаточной активности великих держав в деле денуклеаризации могут воспринять отсутствие прогресса в вопросе ядерного разоружения предлогом к отходу от положений ДНЯО. Активизация процесса распространения ядерного оружия невыгодна ни одной из современных ядерных держав. При этом основная часть ответственности за поддержание образа их намерений ложится на держателей наибольшего ядерного арсенала на планете – Россию и США. Наряду с военными и экономическими, этот дипломатически-гуманитарный резон является одной из причин заключения договоров о сокращении стратегических вооружений, в последние полвека неоднократно заключаемых между этими странами.

Таблица 2 – Российско-американские договора об ограничении ядерных вооружений [10]*

№	Название договора	Год заключения	Уровень ограничений
1	Договор об ограничении стратегических вооружений ОСВ-1 (англ. S(trategic)A(rms) L(imitation) T(reaty), SALT-I)	1972	Мораторий на наращивание ядерных вооружений сверх текущего уровня
2	Договор ОСВ-2 (SALT-II)	1979	Ограничение числа кол-ва носителей ЯО 2400 ед., в т. ч. пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР) 1320 ед., БР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) 820 ед., стартовым и сбрасываемым весом не выше ныне стоящих на вооружении
3	Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений СНВ-1 (англ. ST(rategic)A(rms) R(eduction) T(reaty), START)	1991	Ограничение кол-ва носителей ЯО 1600 ед., ядерных боезарядов – до 6000 ед.
4	Договор СНВ-2 (START-II)	1993	Ограничение ядерных боезарядов до 3500 ед., запрет БР с РГЧ ИН
5	Договор об ограничении стратегических наступательных потенциалов СНП (англ. S(trategic)O(ffensive) R(eduction) T(reaty), SORT)	2002	Ограничение ядерных боезарядов до 2200 ед.
6	Договор СНВ-3 (New START)	2010	Ограничение носителей ЯО до 700 ед., ядерных боезарядов – до 1550 ед.

* кроме специальных договоров по противоракетной обороне или ракетам средней и малой дальности.

Следует принять во внимание тот факт, что накануне подписания СНВ-3 в Соединенных Штатах была принята новая ядерная доктрина, не содержащая уступок по тревожащим Россию вопросам. В частности, новая американская концепция развития ядерных сил не предполагала вывода тактического ядерного оружия (ТЯО) с территорий европейских стран: свыше 200 американских ядерных боезарядов размещены в таких странах, как Италия, Бельгия, Германия, Нидерланды. Также существует ядерный арсенал США в Турции. Президент Б. Обама мотивировал такую ситуацию тем, что вопрос сокращения этих вооружений, защищающих Европу от российского ТЯО и обычных сил, должен решаться не в порядке двустороннего соглашения с РФ, а в рамках НАТО [11, с. 173; 23, р. 35].

В ходе дебатов по Договору СНВ-3 российские эксперты фиксировали три потенциальные опасности: наращивание американских систем ПРО в условиях сокращения российских СЯС, развитие США потенциала высокоточного оружия (ВТО) и возможность запуска совместных американо-британских ядерных программ в условиях, при которых Лондон не скован ограничениями Пражского договора. Россия ратифицировала СНВ-3 с тремя условиями: увязка переговоров по

стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям, модернизация российского ядерного комплекса и возможность выхода из договора в случае наращивания потенциала американской ПРО.

На настоящий момент (2018 г.), по данным западных наблюдателей и сообщениям отечественных источников, материальная часть СЯС РФ включает 1444 боезаряда на 527 носителях [12], именно:

– 13 ракетных подводных крейсеров стратегического назначения: 3 атомные подводные лодки (АПЛ) проекта 667БДР «Кальмар» (16 пусковых установок баллистических ракет подводных лодок (ПУ БРПЛ) Р-29РКУ на каждой), 6 АПЛ пр. 667БДРМ «Дельфин» (16 ПУ БРПЛ Р-29РМУ2 «Синева»), 1 АПЛ пр. 941 «Акула» (лаборатория для отработки БРПЛ Р-30 «Булава», 20 ПУ), 3 АПЛ пр. 955 «Борей» (16 ПУ БРПЛ Р-30 «Булава»);

– 76 тяжелых бомбардировщиков (Ту-160 – 16, Ту-95МС/МСМ – 60);

– МБР шахтного и мобильного базирования: 30 МБРК РС-18 и 46 РС-20 «Воевода» (эти две системы снимаются с вооружения); около 63 РС-12М «Тополь» и 78 РС-12М2 «Тополь-М» (18 – на мобильных ПУ); 96 РС-24 «Ярс» (84 – на мобильных ПУ) [13, р. 192–193]. Подвижно-грунтовой ракетный комплекс (ПГРК) «Ярс» отличаются от ПГРК «Тополь» прежде всего многоблочной ГЧ. К 2020 году ожидается принятие на вооружение жидкотопливных МБРК пятого поколения «Сармат» взамен снимаемых с вооружения Р-36М «Воевода». От комплексов предыдущего поколения «Сармат» отличается массивными средствами защиты от ПРО в виде комплекса активной защиты (КАЗ) шахты, суборбитальной траектории, более крупной, чем на обычных МБР, загрузки ложных целей и гиперзвуковыми маневрирующими боеголовками, в т. ч. кинетическими.

Аэробаллистическая ракета Ю-71 «Авангард» разрабатывается с возможностью атаки по любой, а не только кратчайшей баллистической траектории, что потребует от США развертывание не секторной, а круговой ПРО [14, с. 40].

От России на современном этапе требуется перевооружение РВСН новейшими образцами ЯО и средствами его доставки в рамках СНВ-3, значительное повышение боеготовности Вооруженных Сил в целом.

Элементы СЯС США имеют иные количественные пропорции: в их структуре доминирует авиационная компонента. Численность ядерных субмарин-носителей ЯО сопоставима с российской. Американские БР шахтного базирования «Минитмен» считаются устаревшими, поэтому иногда высказываются предложения о полном демонтаже этого вида вооружений (превращение «ядерной триады» в «диадду», состоящую из ПЛАРБ с БРПЛ и ТБ), предполагающие, очевидно, и симметричные действия по сокращению БР со стороны России, для которой этот вид СЯС гораздо более значим [15, с. 219]. На 2018 г. СЯС США включают:

– 14 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) «Огайо» с 24 ПУ БРПЛ «Трайидент D-5» на каждой;

– 90 ТБ (В-2А – 20, В-52Н – 70);

– МБР шахтного базирования: 400 «Минитмен-3» [13, р. 46–47].

Ожидается, что к 2021 г. США начнут масштабную программу модернизации своих СЯС, в которых на данный момент большинство носителей имеет значительный возраст (н-р, новейшая из состоящих на вооружении машин В-52Н была построена раньше первого Ту-95МС). В качестве нового ТБ предлагается самолет В-21, построенный с использованием технического задела по В-2А «Спирит», но с улучшенной авионикой, новым БРЭО и значительно (в 5 раз) дешевле «Спирита», обходящегося американской казне в 2 млрд. долл. за единицу. Новые бомбардировщики должны строиться крупной серией и в раскладке по СНВ идти в зачет списываемых В-52Н, в то время как невидимки «Спирит» останутся на вооружении ВВС США до 2058 г. Наземные СЯС предлагается модернизировать по двум направлениям: увеличить срок службы уже имеющихся носителей и в перспективе создать им более совершенную замену. Программа увеличения срока службы МБР «Минитмен» подразумевает замену ракетного топлива, системы наведения, боевых

блоков и других компонентов РН и рассчитана на поддержание на боевом дежурстве таких модернизированных МБР вплоть до 2030 г. (на время разработки МБР нового поколения, которая составит основу наземных сил сдерживания США вплоть до 2070 г.). Вместо ПЛАРБ «Огайо», выводимых из состава флота после 2021 г., к 2031 г. планируется создать новый носитель БРПЛ под модернизированные в части замены топлива и систем наведения БР «Трайидент-2» (и перспективную БРПЛ, создание которой ожидается в районе 2042 г.). Численность атомарин этого проекта предполагается на уровне 12 единиц [15, с. 221]. В этой связи возникает некий разрыв между ожидаемым в 2030–2040-е гг. поступлением на боевое дежурство новых американских ядерных систем и завершением действия текущего договора СНВ-3 даже в случае его предусмотренного продления до 2025 г., что снова актуализирует вопрос о создании нового ограничительного документа.

Что касается российской оценки действий США по договору СНВ-3, то она сейчас скорее критическая. Одной из выявленных в последнее время проблем договора является ситуация, описанная в феврале 2018 г. в заявлении МИД России:

«Объявленный выход на установленные Договором показатели достигнут США не только благодаря реальным сокращениям вооружений, но и за счет переоборудования части пусковых установок БРПЛ «Трайидент-II» и тяжелых бомбардировщиков В-52Н, осуществленного таким образом, что Российская Сторона не может подтвердить приведение этих СНВ в состояние, непригодное для использования БРПЛ и ядерного вооружения тяжелых бомбардировщиков, как это предусмотрено п. 3 Раздела I Главы третьей Протокола к Договору, а также за счет произвольной переквалификации шахтных пусковых установок, предназначенных для обучения, в не предусмотренную Договором категорию учебных шахт» [16].

Проблемы такого рода должны быть решены, чтобы возможным стал поиск консенсуса о дальнейшем формате сокращения ядерных вооружений. Действие СНВ-3 может быть продлено до 2025 г., но заявленные в нем уровни сокращения СНВ в целом уже достигнуты, относительно же целесообразности углубления процесса сокращения СЯС у экспертов сейчас существуют различные мнения.

Ключевым вопросом в оценке целесообразности углубления процесса сокращения СЯС России является вопрос разумной достаточности СЯС для обеспечения ядерного сдерживания (nuclear deterrence) как комплекса превентивных угроз, призванных убедить оппонента отказаться от враждебных действий. В отличие от оборонительной по характеру концепции сдерживания, бытовавшей в период «холодной войны», современная концепция носит наступательный характер (т. е. ставит своей целью принуждение противника к действиям, противоречащим его воле) [17, с. 68]. Контуры американской стратегии сдерживания России в 2008–2018 гг. определялись программой по «минимальному сдерживанию» (minimal deterrence), предполагавшей:

- переход к сдерживанию на основе более низких потолков;
- развитие противоракетных технологий;
- развитие высокоточного оружия в неядерном оснащении;
- сохранение принципа «возвратного потенциала»: сокращения СЯС посредством складирования, а не утилизации ядерных боезарядов;
- сокращение ТЯО при одновременном сохранении американского ядерного присутствия на территории союзников.

В феврале 2018 г. Минобороны США опубликовало программный документ СЯС – Nuclear Posture Review (букв. «Обзор ядерной ситуации»). Такие обзоры выпускались с восьмилетней периодичностью с 1994 года. В докладе 2018 г. подтвержден курс США на «сдерживание устрашением» (tailored deterrence) [18, р. 26]. В качестве возможных противников США обозначены Россия, Китай, Северная Корея и Иран, для каждого из них кратко обрисована стратегия противодействия. Опасность со стороны РФ, по мнению американских аналитиков, заключается в курсе российских властей на эскалацию локальных конфликтов в Европе, в том числе с ограниченным применением или угрозой применения (для обеспечения невмешательства великих держав в БД России против какой-либо из стран НАТО) ТЯО [18, р. 30–31]. Конкретных действий Пентагона по

устрашению России, кроме модернизации ядерного арсенала и дипломатии в рамках НАТО, в документе, однако, не описано. Вероятно, можно согласиться с точкой зрения, что целью «Обзора» является легитимация в глазах общественности наращивания расходов на модернизацию СЯС США после трёх десятилетий затишья [19]. Так, указано, что в течение 2010-х гг. США, в отличие от РФ, КНР и КНДР, разработали и приняли на вооружение только один носитель ЯО, к тому же нестратегический (ИБ F-35A) [18, р. 8]. Относительно продления СНВ «Обзор» высказывается осторожно-положительно, при этом подчёркивая, что американские обязательства по нему в целом выполнены [18, р. 17].

Договор СНВ-3 был разработан с учетом этой программы, поэтому его слабые, с точки зрения России, стороны неслучайны.

В современной Военной доктрине РФ норма разумной достаточности СЯС определяется возможностью «нанесения неприемлемого ущерба агрессору в любых условиях обстановки» [20, с. 14]. С этой точки зрения современный наряд стратегических ядерных сил следует считать удовлетворительным даже в случае нанесения ответного, а не ответно-встречного удара при полной внезапности неприятельского первого удара. По расчетам экспертов, ответный удар РВСН России будет нести 700–750 боезарядов [21, с. 60]. Рассчитанный на перехват МБР противоракетный комплекс GBR насчитывает на данный момент 44 ПР GBI на 2 базах, расположенных не вполне удачно для перехвата трансполярного МРЯУ (Ванденберг на Аляске, Форт-Грили в Калифорнии) [13, р. 47]. При обычно требуемом для уверенного перехвата наряде сил ПРО (по 2 ПР на 1 боевой блок МБР) развернутых ПР этого типа совершенно недостаточно для защиты территории США от российского удара возмездия, что делает американскую ракетно-ядерную угрозу России почти фантомной. ПРК «Иджис» только в последней модификации Block IV стал теоретически способен к перехвату МБР, однако, даже без учета малого на данный момент количества этих ПР на боевом дежурстве, действие его носителей (крейсеров «Тикондерога» и эсминцев «Арли Берк» ВМС США) в высоких широтах требует подготовки в части, касающейся создания достаточного ледокольного флота, которой в настоящее время не ведется [22, с. 56], а при любой иной дислокации противоракетных кораблей они не имеют шанса на перехват трансполярного РЯУ вообще. Наземные противоракетные комплексы Aegis Ashore на данный момент отсутствуют на североамериканском континенте, и, по имеющимся данным, программы их развертывания на территории США не существует. В целом, именно поэтому Россия, несмотря на критику противоракетной программы США в Европе, не пыталась воспользоваться для пересмотра договора СНВ-3 его статьей 14, которая предполагает право одностороннего выхода из договора при угрозе своим высшим государственным интересам [15, с. 227].

Отдельно следует говорить и о проблеме развития высокоточного оружия США в рамках программы быстрого глобального удара (Prompt Global Strike). Высокоточное оружие для нанесения БГУ может существовать как в ядерном, так и в неядерном оснащении. Хоть это и не афишируется, но программа БГУ выглядит логически необходимой частью строящейся национальной системы ПРО североамериканского континента. В отрыве от плана нанесения превентивного глобального разоружающего удара по противнику программа ПРО действительно может быть эффективна лишь против террористических ракетных атак со стороны «стран-изгоев», как изначально и было озвучено в обосновании этой программы. В этой связи контрсиловые возможности существующих проектов ВТО США выяснялись российскими экспертами еще в период действия договора о СНП (2000-е гг.). На данный момент большинство исследователей не поддерживают алармистские гипотезы о высокой вероятности нанесения США первого ядерного удара по России с использованием ВТО или без такового [23, с. 56–58]. Помимо вопроса о вероятности полного поражения российских носителей ЯО, есть и вопрос о возможных геоэкологических последствиях ядерной войны для союзников США с территории Европейского континента, которые разделят с Россией электромагнитные, радиационные и климатические бедствия вплоть до локальной ядерной зимы в средних и высоких широтах Северного полушария. По расчетам Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), критическим для

мировой экологии является 100-мегатонный порог, что, ориентируясь на заряды в 100 Кт, дает тысячу ЯБЗ, что в полтора раза меньше разрешенного СНВ-3 количества ЯБЗ для каждой стороны в отдельности. Таким образом, налицо превышение разумно достаточного количества зарядов в наличии России и США, а его безнаказанное применение эфемерно даже в случае невероятного отказа одной из сторон от ответно-встречного удара. Внедрение неядерных зарядов для ВТО, которые снимают эту проблему, откладывается на среднюю перспективу (проводимое в США с начала 2010-х гг. переоснащение ПЛАРБ неядерными крылатыми ракетами (КР) скорее выглядит как попытка получить недорогой носитель арсенала КР для ракетных бомбардировок побережий в ходе локальных конфликтов с участием США, примером чему могут быть недавние ракетные обстрелы сирийских аэродромов). Уверенное попадание в защищенную шахтную пусковую установку (ШПУ) залпа из двух ракет пока не обеспечено. Кроме того, поражение ШПУ требует уменьшения круга вероятного отклонения боевых блоков (ББ) до 1–2 м и повышения бронепробиваемости тандемно-кумулятивной БЧ до 2–3 м гомогенной брони. ПГРК поражаются гарантированно, возможность непрерывного сопровождения ПГРК орбитальными системами слежения может быть использована для корректировки КР, наведенных на мобильные ракетные комплексы. При разработке будущего договора по СНВ вопрос лимитации стратегических неядерных сил необходимо учесть, не допуская простого переоснащения МБР и БРПЛ неядерными БЧ. Эксперты предлагают также ограничить арсенал КР на АПЛ США «Огайо» и им подобных 18 единицами на каждую атомарину [24, с. 23–24].

Выводы. Новый договор, по-видимому, будет наследовать предыдущим инициативам линейки СНВ. Предлагаемое американскими экспертами сокращение числа ЯБЗ до 1000–1100 ед. с учетом вышесказанного не выглядит проблематичным для России, однако лишь в случае, если эти заряды будут максимально полно использованы на стратегических носителях, что подразумевает почти полное вытеснение тактических ЯБЗ неядерными боеголовками. Учитывая общую тенденцию на развитие ВТО в мире, позволяющих не компенсировать мощью заряда неточность попадания в цель, что исторически было основной причиной разработки ТЯО, этот шаг в перспективе придется совершить. С другой стороны, в российских интересах сохранение полноценной «ядерной триады», а исключение МБР шахтного базирования из состава СЯС нанесет национальной безопасности РФ существенный ущерб, так как не будет уравновешено равным по значению сокращением ядерного потенциала США, преобладающих в морском и воздушном компонентах. Кроме того, в договоре должна быть поднята тема устранения «возвратного потенциала» по боезарядам, поскольку момент формального снятия с вооружения и момент фактической утилизации боезаряда в наше время могут отстоять друг от друга на годы. Со своей стороны, американцы во время разработки предыдущего договора высказывали опасения, что мобильные ПУ МБР «Тополь-М» и «Ярс» могут перезаряжаться непосредственно в ходе конфликта, и могут поднять этот вопрос вновь, хотя и знают, что количество таких БР в хранилищах невелико, подлежит инспектированию, а их тайное наращивание выглядит малореальным [25, р. 31]. Также американские эксперты считают, что предлагаемое сокращение числа ЯБЗ до 1000 ед. Россией и США должно быть компенсировано привлечением к участию в новом договоре всех остальных ядерных держав, к настоящему моменту даже совокупно уступающих по СНП любой из двух участниц СНВ-3 [23, р. 37]. Что касается темы ВТО и ПРО, то США очевидным образом всеми силами будут сопротивляться попыткам подвести их под какие-либо договорные ограничения. Поскольку вторая программа уже реализуется, ее отмена маловероятна.

Оценивая состояние процесса ядерного разоружения на настоящий момент в целом, следует усомниться в реальности предлагаемой «коалицией новой повестки дня» полной денуклеаризации мира в ближайшие десятилетия, поскольку политика ядерного сдерживания не исчерпала своей актуальности в международных отношениях. «Согласно сведениям СИПРИ, за период 2016–2017 гг. ядерные державы сумели сократить количество ядерных боезапасов, но в то же время вложили огромные денежные средства в их модернизацию. Отмечается, что страны-члены ядерного клуба обладают примерно 14935 ядерными боезарядами» [26, с. 54]. Россия и США в 2020-х гг., очевид-

но, будут сопрягать вопрос о дальнейшем сокращении своих ядерных потенциалов с уровнем развития стратегических неядерных сил этих стран.

Как ни парадоксально, но полная денуклеаризация, вопреки общепринятым представлениям, может привести к ремилитаризации земного шара и активизации агрессивных войн. США сохраняют превосходство в современных обычных силах и ведут разработку ВТО в неядерном оснащении. Неядерное оружие по сравнению с ЯО имеет очевидный недостаток как оружие сдерживания – низкий порог готовности к его применению для агрессора. Применение ядерного оружия предполагает наступление необратимых последствий – радиоактивного заражения местности, гибели масс мирного населения, катастрофического урона инфраструктуре. Господствующая с 1960-х гг. концепция обмена разоружающими ударами по военным объектам (вместо ранее бытовавшей доктрины «war-fighting», предполагавшей атаку на города [17, с. 70]) не вполне исключает возможность подобных последствий. Поэтому превентивный ядерный удар с высокой вероятностью означает начало тотальной войны на уничтожение, в которой не может быть достигнуто обычного мира по соглашению сторон. Даже в случае, если концепция «ядерной зимы» не оправдается в полной мере, сами страны-участницы ядерного конфликта нанесут друг другу неприемлемый экономический и гуманитарный урон, так что основная цель развязывания любой войны – создание для победителя субъективно лучшего состояния мира, чем довоенное, – в случае ядерного конфликта принципиально недостижима. Кроме того, чисто практически нанесение ядерного удара, в особенности по ядерной державе, из-за высокого порога применения ЯО ввиду устоявшейся за последние полвека нуклеофобии мировой общественности требует серьезной информационной подготовки, мощного морально-психологического обеспечения исполнителей, агрессивной пропагандистской кампании в адрес собственного народа. В то же время ведение необъявленных войн без применения ЯО в сознании масс в наши дни не вызывает удивления. Таким образом, постановка вопроса о проработке договорных ограничений для стратегических наступательных неядерных вооружений представляется необходимой уже в текущее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Резолюция ГА ООН A/RES/1 (I) от 24 января 1946 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/A/RES/1\(I\)](https://undocs.org/ru/A/RES/1(I)) (дата обращения: 14.08.2018).
2. Ядерное разоружение, нераспространение и ядерная безопасность / под редакцией академика РАН В.Н. Михайлова. – М.: Институт стратегической стабильности Минатома России, 2011. 217 с.
3. Договор о нераспространении ядерного оружия: [одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной ассамблеи от 12 июня 1968 г.] [Электронный ресурс]. // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 21.06.2018).
4. Рабочий документ, представленный Египтом от имени Бразилии, Египта, Ирландии, Мексики, Новой Зеландии, Швеции и Южной Африки в их качестве членов Коалиции за новую повестку дня (NPT/CONF.2010/WR.8) [Нью-Йорк, 3-28 мая 2010 года] [Электронный ресурс]. // Конференция 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/conf/npt/2010/workingpapers.shtml> (дата обращения: 21.06.2018).
5. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы / А. И. Антонов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2012. 245 с.
6. Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. New York, 7 July 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVI-9&chapter=26&clang=_en (дата обращения: 21.06.2018).
7. Договор о запрещении ядерного оружия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://undocs.org/ru/A/CONF.229/2017/8> (дата обращения: 21.06.2018).

8. Тадтаев Г.В. Лавров объяснил отказ от подписания договора о запрете ядерного оружия [Электронный ресурс] // РБК. 17.03.2018. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5aad4e799a79479fd56b6abe> (дата обращения: 21.06.2018).
9. Вербицкая Т. В. Соотношение Договора о запрещении ядерного оружия и международно-правового режима нераспространения ядерного оружия // Военное право. 2018. №2 (48). С. 221–225.
10. Ладыгин Ф.В. Сокращение стратегических наступательных вооружений: история и уроки первого договора // Индекс безопасности. № 4 (111), том 20. С. 143–152.
11. Картышев П.Б. Ограничения стратегических вооружений как фактор российско-американских отношений в XXI веке: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2015. № 8. С. 167–176.
12. New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Bureau Of Arms Control, Verification And Compliance. Fact Sheet July 6. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/documents/organization/284376.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).
13. The Military Balance 2018 / Ed. by the International Institute of Strategic Studies (IISS). Routledge, 2018. 520 p.
14. Корнев Д.А. Новые российские стратегические системы вооружений // Новый оборонный заказ. 2018. № 3. С. 40–42.
15. Каберник В. В. Подходы к построению системы стратегического сдерживания после 2021 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 4 (49). С. 218–234.
16. Заявление МИД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/3054864 (дата обращения: 15.08.2018).
17. Фененко А.А. Современные концепции ядерного сдерживания // Международные процессы. 2012. Т. 10. С. 68–87.
18. Nuclear Posture Review. February 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 15.08.2018).
19. Бойцов М.Ф. Ядерный манифест США [Электронный ресурс]. // Независимое военное обозрение. 02.03.2018. URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2018-03-02/1_986_manifest.html (дата обращения: 21.08.2018).
20. Военная доктрина Российской Федерации. 25 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 15.08.2018).
21. Горгола Е.В., Гладышевский В.Л., Цырендоржиев С.Р. О реалистичной оценке экономических потенциалов субъектов международных отношений в достижении военно-политических целей государства // Вооружение и экономика. 2017. № 3 (40). С. 53–68.
22. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Субботин С.В. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Балтийском и Североевропейском регионах // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 48–64.
23. Калядин А.Н. Что на кону в ставке на ядерный обезоруживающий удар по России? // Пути к миру и безопасности. 2017. №2 (53). С. 56–69.
24. Мясников Е.В. Высокоточное оружие и стратегический баланс. Изд. Ц-ра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. М, 2000. 43 с.
25. Woolf A.M. The New START Treaty: Central Limits and Key Provisions. CRS Report. February 5, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41219.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).
26. Оскольская Д.И. Ядерное оружие как угроза глобальной безопасности в начале XXI века // Архонт. 2018. Выпуск № 2 (5). С. 54–57.

REFERENCES

1. Rezolyutsiya GA OON A/RES/1 (I) ot 24 yanvarya 1946 goda [EHlektronnyy resurs]. URL: [https://undocs.org/ru/A/RES/1\(I\)](https://undocs.org/ru/A/RES/1(I)) (data obrashheniya: 14.08.2018). (in Russian).
2. YAdernoe razoruzhenie, nerasprostranenie i yadernaya bezopasnost' / pod redaktsiey akademika RAN V.N. Mihaylova. M.: Institut strategicheskoy stabil'nosti Minatoma Rossii. 2011. 217 p. (in Russian).
3. Dogovor o nerasprostranении yadernogo oruzhiya: [odobren rezolyutsiey 2373 (XXII) General'noy assamblei ot 12 iyunya 1968 g.] [EHlektronnyy resurs]. // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (data obrashheniya: 21.06.2018). (in Russian).
4. Rabochiy dokument, predstavlenyy Egiptom ot imeni Brazili, Egipta, Irlandii, Meksiki, Novoy Zelandii, SHvetsii i YUzhnoy Afriki v ih kachestve chlenov Koalitsii za novuyu povestku dnya (NPT/CONF.2010/WP.8) [N'yu-York, 3-28 maya 2010 goda] [EHlektronnyy resurs]. // Konferentsiya 2010 goda uchastnikov Dogovora o nerasprostranении yadernogo oruzhiya po rassmotreniyu deystviya Dogovora. URL: <http://www.un.org/ru/conf/npt/2010/workingpapers.shtml> (data obrashheniya: 21.06.2018). (in Russian).
5. Kontrol' nad vooruzheniyami: istoriya, sostoyanie, perspektivy / A. I. Antonov. M.: Rossiyskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN). PIR-TSentr. 2012. 245 p. (in Russian).
6. Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. New York, 7 July 2017 [EHlektronnyy resurs]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVI-9&chapter=26&clang=_en (data obrashheniya: 21.06.2018).
7. Dogovor o zapreshhenii yadernogo oruzhiya [EHlektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://undocs.org/ru/A/CONF.229/2017/8> (data obrashheniya: 21.06.2018). (in Russian).
8. Tadaev G. Lavrov ob"yasnil otkaz ot podpisaniya dogovora o zaprete yadernogo oruzhiya [EHlektronnyy resurs] // RBK. 17.03.2018. Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aad4e799a79479fd56b6a6e> (data obrashheniya: 21.06.2018). (in Russian).
9. Verbitskaya T.V. Sootnoshenie Dogovora o zapreshhenii yadernogo oruzhiya i mezhdunarodno-pravovogo rezhima nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya // Voennoe pravo. 2018. №2 (48). P. 221–225. (in Russian).
10. Ladygin F. Sokrashhenie strategicheskikh nastupatel'nykh vooruzheniy: istoriya i uroki pervogo dogovora // Indeks bezopasnosti. № 4 (111), T. 20. P. 143–152. (in Russian).
11. Kartyshev P.B. Ogranicheniya strategicheskikh vooruzheniy kak faktor rossiysko-amerikanskikh otnosheniy v HKHI veke: problemy i perspektivy // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2015. № 8. P. 167–176. (in Russian).
12. New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Bureau Of Arms Control, Verification and Compliance. Fact Sheet July 6. 2018 [EHlektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.state.gov/documents/organization/284376.pdf> (data obrashheniya: 15.08.2018).
13. The Military Balance 2018 / Ed. by the International Institute of Strategic Studies (IISS). Routledge. 2018. 520 p.
14. Kornev D. Novye rossiyskie strategicheskije sistemy vooruzheniy // Novyy oboronnyy zakaz. 2018. № 3. P. 40–42. (in Russian).
15. Kabernik V.V. Podhody k postroeniyu sistemy strategicheskogo sderzhivaniya posle 2021 goda // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. № 4 (49). P. 218–234. (in Russian).
16. Zayavlenie MID Rossii [EHlektronnyy resurs]. URL: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/3054864 (data obrashheniya: 15.08.2018). (in Russian).
17. Fenenko A. Sovremennye kontseptsii yadernogo sderzhivaniya // Mezhdunarodnye protsessy. 2012. T. 10. P. 68–87. (in Russian).

18. Nuclear Posture Review. February 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 15.08.2018).

19. Boytsov M.F. YAdernyy manifest SSHA [Электронный ресурс]. // Независимое военное обозрение. 02.03.2018. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/nvo/2018-03-02/1_986_manifest.html (дата обращения: 21.08.2018). (in Russian).

20. Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii. 25 dekabrya 2014 goda [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 15.08.2018). (in Russian).

21. Gorgola E.V., Gladyshevskiy V. L., Tsyrendorzhiev S. R. O realistichnoy otsenke ehkonomicheskikh potentsialov sub"ektov mezhdunarodnykh otnosheniy v dostizhenii voenno-politicheskikh tseley gosudarstva // Vooruzhenie i ehkonomika. 2017. № 3 (40). P. 53–68. (in Russian).

22. Konyshev V.N., Sergunin A. A. Subbotin S. V. Politika SSHA po sozdaniyu sistem protivoraketnoy oborony v Baltiyskom i Severoevropeyskom regionah // Baltiyskiy region. 2016. T. 8. № 1. P. 48–64. (in Russian).

23. Kalyadin A.N. CHto na konu v stavke na yadernyy obezoruzhivayushhiy udar po Rossii? // Puti k miru i bezopasnosti. 2017. №2 (53). P. 56–69. (in Russian).

24. Myasnikov E.V. Vysokotochnoe oruzhie i strategicheskii balans. Izd. TS-ra po izucheniyu problem razoruzheniya, ehnergetiki i ehkologii pri MFTI. M, 2000. 43 p. (in Russian).

25. Woolf A.M. The New START Treaty: Central Limits and Key Provisions. CRS Report. February 5, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41219.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).

26. Oskol'skaya D.I. YAdernoe oruzhie kak ugroza global'noy bezopasnosti v nachale XXI veka // Arhont. 2018. Vypusk № 2 (5). P. 54–57. (in Russian).

© Копаев М.Ю., Теплухин В.В., 2018

Копаев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник 14 отдела научно-исследовательского 1 управления научно-исследовательского научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией Военно-воздушных сил), Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А, mike-kopaev@yandex.ru.

Теплухин Вячеслав Владимирович, кандидат исторических наук, подполковник, начальник 14 отдела научно-исследовательского 1 управления научно-исследовательского научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией Военно-воздушных сил), Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А, v.v.teplukhin@mail.ru.